

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

О.В. Галкина

МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАФОРЫ

Изучение метафоры в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики показало, что метафора – не только элемент языка, но и «универсальный познавательный механизм, способ осознания мира» [10: 3], поскольку она «обладает свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфический взгляд на мир» [7: 134]. «В настоящее время взгляд на метафору как на необходимый инструмент познания столь повсеместно принят, что обсуждаться стал уже вопрос о том, каким образом ее можно адекватно описать и истолковать, каким образом можно понять соположение референтов, нормально никак не связанных» [6: 358].

Механизмы декодирования метафоры основаны на парадоксальности соединения в одной конструкции лексических компонентов, не обладающих в сознании людей данной языковой общности устойчивой ассоциативной связью: такая парадоксальность выступает катализатором метафорического переноса [2].

Как функционирует метафора? Каковы механизмы ее работы? Как происходит отбор признаков в процессе метафоризации? Как обеспечивается наше понимание метафоры? Исследователи метафоры по-разному объясняют это. Ряд исследователей [24; 38] рассматривают обращение к прямому, буквальному значению как один из этапов процесса восприятия метафоры. Подобная теория метафорического переноса сводится к выведению ряда принципов, согласно которым, имея в распоряжении прямое значение фразы или выражения, человек способен вывести ее метафорический смысл [2]. Однако существуют экспериментальные данные, опровергающие такой взгляд на метафору: согласно эмпирическим исследованиям, понимание метафорического выражения часто не превышает по продолжительности понимание выражения с прямым значением [37].

Представители еще одной точки зрения на процессы понимания метафоры [19] полагают, что наличие этапа обращения к прямому значению в процессе понимания метафоры определяется степенью освоенности метафоры: знакомые, часто употребляемые метафоры понимаются непосредственно напрямую, менее знакомые метафоры более склонны стимулировать обращение к прямому значению слова в процессе обработки метафоры.

Указанные воззрения на процесс понимания метафоры основаны на резком противопоставлении прямого и переносного значения. Однако существует мнение, что невозможно провести четкую грань между прямым и переносным значением. Существует некий континуум, на противоположных полюсах которого располагаются наиболее ясно распознаваемые при-

меры буквального и метафорического употребления. Между этими полюсами происходит постоянный обмен: метафорические понятия могут посредством частого употребления становиться более привычными и восприниматься непосредственно; выражения, которые мы используем буквально, наоборот, могут быть неожиданно использованы метафорически [27].

Приведенные теории процесса понимания человеком метафоры говорят лишь об этапах процесса, но не объясняют детально, каким образом рождается новое значение. Более подробно этот процесс рассматривает М. Блэк [11: 25–47], автор интеракционистского подхода к метафоре.

Вслед за И.А. Ричардсом [31], М. Блэк утверждает, что для того, чтобы метафора работала, воспринимающий ее человек должен осознавать расширение значения фокусного слова в условиях нового контекста. Согласно интеракционистской точке зрения, расширение или изменение значения происходит в результате взаимодействия мыслей о двух разных вещах. Метафора основывается на связи между двумя системами концептов.

«Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система “ассоциируемых импликаций”, связанных со вспомогательным субъектом» [1]. Для правильного понимания метафоры необходима быстрая активизируемость ассоциаций, истинных или ошибочных, принадлежащих системе общепринятых ассоциаций, характерных для данной языковой общности.

Например, для понимания метафоры ЧЕЛОВЕК – ВОЛК необходимо владение системой импликаций о волках: руководствуясь данной системой можно построить нужную систему импликаций относительно главного субъекта – человека. Полученные импликации не будут совпадать с общепринятыми ассоциациями, вызываемыми при буквальном употреблении слова «человек», поскольку они детерминированы системой импликаций, актуальных для употребления слова «волк» в буквальном значении. В центре внимания оказываются те черты человека, которые согласуются с общепринятыми для данной языковой общности знаниями о волке как о страшном, ненавистном существе, охотящемся на других живых существ; иные черты человека оказываются неважными, затемняются. Таким образом, метафора организует наш взгляд на человека.

В процессе метафоризации происходит взаимодействие не отдельных минимальных когнитивных структур (значений), а более крупных когнитивных образований, например фреймов, отражающих целые области человеческого знания [10]. Фрейм – «особая организация знания, составляющая необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов» [9: 54]. Фреймы содержат данные о существенном, типичном и возможном для любого понятия [4] и «организуют не только язык, но и мысли, восприятие, эмоции, процесс познания, моторную деятельность» [10: 12].

М. Блэк впервые высказал мысль о том, что метафора не только формирует наш взгляд на главного субъекта; под воздействием метафоры кор-

ректируется наш взгляд на вспомогательного субъекта. Рассматривая метафору ЧЕЛОВЕК – ВОЛК, Блэк говорит, что метафора «позволяет посмотреть другими глазами и на волка и увидеть в нем что-то от человека» [1: 167]. Эта мысль присутствует также в теории концептуальной интеграции, единственной на сегодняшний момент теории, демонстрирующей детальное пошаговое образование нового значения в процессе понимания метафоры. Теория концептуально-интегрированной сети или теория множественных пространств была разработана на основе двупространственной модели метафоры, лежащей в основе изучения метафоры со времен Аристотеля и подкреплявшей концептуальные теории, начиная с теории И.А. Ричардса [31], М. Блэка [11] и А. Кестлера [25] и до теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [5; 36].

Концептуальная интеграция является основной когнитивной операцией, связанной с метафорой [14; 20; 22; 29; 35; 33]. «Метафора – выдающийся и вездесущий когнитивный процесс, связывающий концептуализацию и язык. Она целиком и полностью зависит от межполевого картирования между двумя ментальными пространствами (главным и второстепенным). По этой причине метафора – главный кандидат на построение интегративных сетей, а интегрированные пространства играют ключевую роль в метафорическом картировании» [14: 168]. Последнее означает, что в добавление к главному и второстепенному объекту метафорического проецирования выстраивается интегрированное пространство, в котором завершается когнитивная работа.

Функционирование процессов концептуальной интеграции не ограничивается сферой языка: концептуальная интеграция имеет место во многих областях человеческого познания и сферах человеческой деятельности, обеспечивая успешность когнитивных и коммуникативных процессов. Современные исследования выявили основополагающую роль этой когнитивной операции в таких, например, областях знания, как грамматика [15; 28; 30], неврология [21], литература [18; 32], математика [26], музыка [39].

Наше мышление зависит от того, насколько хорошо мы можем манипулировать сетями отображений между ментальными (концептуальными) пространствами, или, иными словами, от нашей способности находить соответствия (аналогии) между различными объектами и явлениями. «Ментальные пространства – это небольшие концептуальные “наборы”, которые мы конструируем в ходе мышления и разговора, в целях понимания и действия. Ментальные пространства включают элементы и, как правило, структурируются фреймами» [3: 61–62].

Каким образом происходит процесс концептуальной интеграции? Построение интегративной сети происходит на базе входных пространств. Два или более входных пространства известных понятий и явлений взаимодействуют между собой, в результате чего формируется общеродовое пространство и затем интегрированное пространство. Общеродовое пространство образуется в результате избирательного проецирования общих

для входных пространств элементов. Концептуальная структура интегрированного пространства в ходе переработки информации развивается на основе входных концептуальных пространств и общеродового пространства. Проецируются как общие элементы входных пространств, так и индивидуальные, отсутствующие в другом пространстве. Интегрированное пространство включает спроецированные из входных пространств элементы и свои собственные элементы, которые продуцируются в процессе функционирования интегрированного пространства. Процесс формирования интегрированного пространства называют концептуальной интеграцией [29].

Важный элемент процессов концептуальной интеграции – межполевое картирование. Межполевое картирование – сущностная когнитивная функция высокого уровня, которая присуща в полной мере только человеку [23]. Неотъемлемым условием полномасштабного процесса картирования отношений и объектов, описывающих одну ситуацию (область–источник), на другую ситуацию (область–цель) является понимание семантики и структуры как области–источника, так и области–цели [13].

Для наглядной иллюстрации описываемых процессов сторонники теории концептуальной интеграции используют диаграммы, на которых все ментальные пространства (входные, общеродовое и интегрированное) обозначаются кругами, элементы ментальных пространств маленькими кружками (при этом в интегрированном пространстве белые кружки обозначают элементы, спроецированные из одного входного пространства, а черные – элементы, спроецированные из двух исходных пространств), а связи между различными элементами пространств – соединяющими круги линиями.

Ход процессов концептуальной интеграции, пути развития нового значения во многом определяются нашими установками и релевантны целям, актуальным для нас в данный момент. Важнейшую роль в концептуальной интеграции играет воображение, поскольку именно его работой обусловлены нахождение и упорядочение сходных в сопоставляемых входных полях элементов и обнаружение общей для этих полей структуры.

Трудность в изучении процессов концептуальной интеграции заключается в том, что указанные процессы протекают *незаметно* для нашего сознания, что, по мнению Ж. Фоконье и М. Тернера [17], может быть обусловлено либо ранним формированием данных когнитивных механизмов в жизни человека, либо эволюционной адаптацией человека (формирование защитного механизма, предотвращающего перегрузку сознания). Доступными для осознания являются сходство, идентичность или различие сопоставляемых объектов или явлений как некий конечный результат, процессы же развития и формирования нового значения происходят за пределами сознания.

Несмотря на незаметность протекания процессов концептуальной интеграции, в некоторых случаях возможно проследить манифестацию данных процессов. Рассмотрим один из таких случаев на примере загадки о буддийском монахе, описанной Ж. Фоконье и М. Тернером [16: 136–137].

Буддийский монах на рассвете начинает взбираться на гору и достигает вершины на закате, там он размышляет в течение нескольких дней, затем однажды утром на рассвете монах начинает спускаться обратно и достигает подножия горы на закате. Не делая никаких предположений относительно его скорости или остановок во время пути, требуется доказать, что существует такое место, в котором монах находился в одно и то же время во время путешествия вверх на гору и вниз с горы.

Для того чтобы решить задачу, нужно представить, как монах поднимается вверх на гору и спускается вниз с горы в один и тот же день. Тогда на тропинке, по которой идет монах, должно быть такое место, где монах, поднимающийся вверх, встретил сам себя, спускающегося с горы. Таким образом, в процессе решения задачи мы проецируем элементы двух входных пространств, одно из которых представлено ситуацией восхождения монаха на гору, а другое – ситуацией его спуска с горы. В интегрированное пространство проецируются такие элементы, как, например, скорость движения, направление движения.

Для решения задачи мы вообразили нереальную ситуацию: монах не может идти в двух направлениях одновременно и тем более не может встретиться с самим собой. Однако неправдоподобность ситуации не препятствует решению задачи. Воображаемая в ходе решения задачи ситуация возникает в результате процессов концептуальной интеграции. Интегрированное пространство, соединяя в себе характеристики похода монаха вверх и его похода вниз, а также свою собственную, развившуюся в результате процессов концептуальной интеграции структуру, обеспечивает очевидность утвердительного ответа.

Важно отметить, что для концептуальной интеграции характерно проиллюстрированное нами сопоставление объектов или явлений, несоотнесимых в реальности. Однако такое сопоставление возможно в рамках процессов концептуальной интеграции и обусловлено оно нашими задачами и установками в данной конкретной ситуации. В случае метафоры происходит аналогичное сопоставление несовместимых в обычных условиях объектов и аналогичное проецирование элементов структуры двух концептуальных пространств.

Схематичное изображение процессов концептуальной интеграции, созданное в рамках теории концептуальной метафоры, не является единственно возможным отображением когнитивных процессов метафоризации. Несколько иной вариант схематичного изображения данного процесса был разработан Ю.Н. Филипповичем [8: 21–22]: схема демонстрирует метафорическое соотнесение образов и объясняет метафорический перенос именования (или вербального образа, по терминологии Ю.Н. Филипповича). Однако Ю.Н. Филиппович делает акцент на значении слова и его компонентах (денотате и коннотате), в то время как в схеме Ж. Фоконье и М. Тернера соотносятся ментальные пространства, их структура и элементы. Таким образом, в схеме Ю.Н. Филипповича процесс метафоризации пред-

ставлен более узко и менее конкретно (не предоставляет возможности детального поаспектного рассмотрения указанного процесса).

Существует мнение, что модель процесса интерпретации метафоры должна предоставлять способ оценивать, какие метафоры следует считать «хорошими», а какие «плохими», какие отличаются новизной, а какие банальностью, т.е. схема должна быть способна отражать качество метафоры [34]. Р. Торонго и Р.Дж. Штернберг предложили геометрическую меру качества метафоры, основанную на понятии пространственного положения главного и вспомогательного субъекта внутри соответствующих концептуальных областей, на параметрах расстояния между различными концептуальными областями. Однако, оценивая и характеризуя метафору, данная модель не отражает вклад контекста в качество метафоры, подменяя истинное качество метафоры чисто семантическим, и тем более модель не дает представления о самих механизмах процесса метафоризации.

Модель концептуальной интеграции наглядно показывает, как, опираясь на метафору, человек познает и понимает новое, приобретает новые навыки. Метафора предоставляет возможность обращаться к индивидуальному знанию и к личному опыту, а осознание нового, его сопоставление с уже известным происходит по актуальным для каждого конкретного человека каналам. Концептуальная интеграция демонстрирует индивидуальность процесса: сопоставление элементов исходных пространств, выявление общей для пространств структуры, проецирование элементов исходных пространств в интегрированное поле и т.д. – процессы индивидуальные, и каждый из этих процессов в значительной мере обусловлен спецификой индивидуального знания и опыта человека.

Как сложное социокультурное и психолингвистическое явление функционирующая метафора требует применения различных исследовательских методик [12], которые в совокупности могут способствовать выработке представления о механизмах функционирования метафоры. Адекватное описание механизмов функционирования метафоры невозможно без учета данных, относящихся к воспринимающему метафору человеку, без учета его индивидуальных и социокультурных особенностей. Метафору следует рассматривать как сложное психолингвистическое явление, формирующее познание человеком мира и отражающее закономерности познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
2. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 190 с.
3. Залевская А.А. Концептуальная интеграция как базовая ментальная операция // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 2. – С.56–71.

4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 245 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
6. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / Пер. с англ. // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–387.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1996. – 288 с.
8. Филиппович Ю.Н. Метафоры информационных технологий: рабочие материалы исследования. – М.: МГУП, 2002. – 288 с.
9. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М., 1988. – С. 52–92.
10. Шитикова Е.В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.–Барнаул, 2002.– 19 с.
11. Black, M. Metaphor // Black, M. (Ed.) Models and metaphors. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1962. – Pp. 25–47.
12. Cameron, L. Operationalising “metaphor” for applied linguistic research // Cameron, L. & Low, Gr. (Eds.) Researching and applying metaphor. – Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1999. – Pp. 3–28.
13. Eliasmith, C. & Thagard, P. Integrating structure and meaning: A distributed model of analogical mapping // Cognitive Science. – 2001. – Vol. 25. – Pp. 245–286.
14. Fauconnier, G. Mappings in thought and language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
15. Fauconnier, G. & Turner, M. Blending as a central process of grammar // Goldberg, A.E. (Ed.) Conceptual Structure, Discourse, and Language. – Stanford, CA: CSLI Publications, 1996. – Pp. 113–131.
16. Fauconnier, G. & Turner, M. Conceptual integration networks // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22. – Pp. 133–187.
17. Fauconnier, G. & Turner, M. The way we think: Conceptual blending and the mind’s hidden complexities. – New York: Basic Books, 2002. – 464 p.
18. Freeman, M. «Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature» in state of the Art and Applications to English Studies // Barcelona, A. (Ed.) Metonymy and metaphor at the crossroads: A cognitive perspective. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. – Pp. 253–281.
19. Giora, R. & Fein, O. On understanding familiar and less familiar figurative language // Journal of Pragmatics. – 1999. – Vol. 31. – Pp. 1601–1618.
20. Grady, J., Oakley, T. & Coulson, S. Blending and metaphor // Gibbs, R. & Steen, J. (Eds.) Metaphor in Cognitive Linguistics. – Amsterdam: Benjamins, 1997. – Pp. 101–125.
21. Grush, R. & Mandelblit, N. Blending in language, conceptual structure and the cerebral cortex. The Roman Jakobson Centennial Symposium // International Journal of Linguistics Acta Linguistica Hafniensia. – 1997. – Vol. 29. – Pp. 221–237.
22. Hofstadter, D. A review on mental leaps: Analogy in creative thought // AI Magazine. – 1995. – Vol. 16(3). – Pp. 75–80.
23. Holyoak, K. & Thagard, P. Mental leaps: Analogy in creative thought. – Cambridge, MA: MIT Press, 1995. – 336 p.

24. Kittay, E.F. *Metaphor: Its cognitive force and linguistic structure.* – Oxford: Clarendon Press, 1987. – 358 p.
25. Koestler, A. *The act of creation.* – New York: Macmillan, 1964. – 751 p.
26. Lakoff, G. & Núñez, R. *Where Mathematics come from: How the embodied mind brings Mathematics into being.* – New York: Basic Books. – 2000. – 512 p.
27. Leary, D.E. *Psyche's muse: The role of metaphors in the history of psychology* // Leary, D.E. (Ed.) *Metaphors in the history of psychology.* – Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1990. – Pp. 1–78.
28. Mandelblit, N. *The grammatical marking of conceptual integration: From syntax to morphology* // *Cognitive Linguistics, Special Issue.* – Vol. 11 (3/4). – 2000. – 197–251.
29. Oakley, T. *Conceptual blending, narrative discourse, and rhetoric* // *Cognitive Linguistics.* – 1998. – Vol. 9. – Pp. 321–360.
30. Récanati, F. *Le présent épistolaire: une perspective cognitive* // *L'information grammaticale.* – 1995. – Vol. 66. – Pp. 38–45.
31. Richards, I.A. *The philosophy of rhetoric.* – New York: Oxford University Press. – 1936. – 138 p.
32. Steen, F. *Wordsworth's autobiography of the imagination* // *A/B Autobiography Studies.* – 1998. – Vol. 13 (1). – Pp. 7–38.
33. Sun, D. *Thurber's fables for our time: A case study in satirical use of the great chain metaphor* // *Studies in American Humor.* – 1994. – Vol. 3(1). – Pp. 51–61.
34. Tourangeau, R. & Sternberg, R.J. *Understanding and appreciating metaphors* // *Cognition.* – 1982. – Vol. 11 (3). – Pp. 203–244.
35. Turner, M. *The literary mind: The origins of thought and language.* – Chicago; London: University of Chicago Press, 1996. – 187 p.
36. Veale, T. & O'Donoghue, D. *Computational models of conceptual integration* // *Sixth International Cognitive Linguistic Conference (July 1999).* – Stockholm, 2000. – Pp. 253–281.
37. Vosniadou, S. *Analogical reasoning as a mechanism in knowledge acquisition: A developmental perspective* // Vosniadou, S. & Ortony, A. (Eds.) *Similarity and analogical reasoning.* – New York: Cambridge University Press, 1989. – Pp. 413–437.
38. Winner, E. *The point of words: Children's understanding of metaphor and irony.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. – 212 p.
39. Zbikowski, L.M. *Conceptualizing music: Cognitive structure, theory, and analyses.* – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 360 p.

Е.В. Гарусова

«TRANSLATIO» И «TRADUCTIO» КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

В отечественной теории перевода при описании перевода самой общепринятой является оппозиция «буквальный – вольный». Однако такая оппозиция не всегда является продуктивной, так как она не описывает всего